

— Не обращайтесь на меня внимания! Позаботьтесь о Цао Цзин!

Изо всех сил крикнул Сюй Минлан, вырвавшись из рук манекена. Он упал на пол, схватил одну из его ног и начал бить ею о землю.

Цао Цзин уже была на грани потери сознания. Манекен сел на неё верхом, сжимая её горло. Её глаза закатились, лицо стало багровым.

Сюй Минлан разбежался, схватил голову манекена ногами и, изогнувшись, разжал его руки, давая Цао Цзин возможность дышать. Но, обернувшись, он увидел, что две кучи остатков манекенов начали подниматься в воздух, и за несколько секунд сформировались в человеческую фигуру.

Сюй Минлан выругался, схватил с пола банку и бросил её в манекен. Пластиковое тело покачнулось и упало, а он схватил его и, используя приёмы борьбы, оторвал руки и ноги.

Подумав, что так будет продолжаться вечно, Сюй Минлан уже собирался разбить остатки, чтобы выиграть время для отдыха, но крик Цао Цзин заставил его остановиться. Он бросил всё и побежал к ней.

Манекены, лишённые голов, быстро восстанавливались, и Сюй Минлан, как игрок в регби, носился туда-сюда, отвоеывая время у смерти. Вскоре он почувствовал, как силы покидают его.

К счастью, в этот момент подоспели Мяо Фан и Юй Хаохуай. Они сняли куртки, чтобы использовать их как мешки, наполнили их пластиковыми остатками и пробежали мимо соседних стеллажей.

Два манекена сразу же переключились на них.

— Дайте мне нож!

Крикнул Сюй Минлан через стеллаж. Он бежал вместе с ними, и когда они достигли прохода, нож скользнул к его ногам. Он поднял его и побежал обратно.

Мяо Фан, несмотря на старания, быстро устал, и манекены настигли его. Юй Хаохуай бросил ему куртку и сказал:

— Держи! Я останусь здесь!

Мяо Фан на мгновение замер, затем схватил куртку и побежал вперёд.

Один из манекенов бросился за ним, но Юй Хаохуай схватил его сзади и повалил на землю. Однако второй манекен уже взобрался на стеллаж и прыгнул на Юй Хаохуай, сбив его с ног.

Юй Хаохуай, всё ещё держа первого манекена, перекатился на земле, затем сломал ему шею и бросил его назад, после чего поманил второго манекена.

Когда Мяо Фан добрался до Чжао Дунсяна, тот был уже на грани изнеможения. Он с облегчением поднял большой палец, радуясь, что помощь наконец пришла.

Мяо Фан взял нож, готовясь к следующей атаке, но вдруг вспомнил, что не видел Е Цзявэнь, и спросил об этом Чжао Дунсяна. Тот рассказал, что её нигде не нашли. Лицо Мяо Фана искажилось, и он начал задавать вопросы:

— Ты везде искал? Ты уверен?

Чжао Дунсян поспешно ответил:

— Уверен! И мы с Цао Цзин звали её столько раз. Если бы она... ну, разве бы она не ответила?

— Ты хочешь сказать, она умерла?

Глаза Мяо Фана расширились, голос стал громче:

— Ты врёшь! Она не могла умереть, иначе... мы бы нашли тело.

— Этот парень с примесью тоже сказал, что она жива, но кто может быть уверен?

Мяо Фан сразу насторожился:

— Ты говоришь о Чжоу Сюэжун? Что он сказал? Расскажи всё, не пропусти ни слова!

— Он сказал что-то вроде «всё зависит от неё самой, никто не может ей помочь» и «она в своём этапе». Я не понял, что он имел в виду. Сегодня происходит столько странного, что уже ничему не удивляешься.

Мяо Фан задумался, но так и не смог понять смысл этих слов, только ругнулся, назвав Чжоу Сюэжун проклятым.

Чжао Дунсян, будучи человеком дипломатичным, не понимал, почему молодёжь так резко выражается, но сейчас ситуация была особой, и Чжоу Сюэжун был важной фигурой, от которой зависело их выживание. Что бы там ни было между этим студентом и Чжоу Сюэжун, сейчас не время ссориться.

Чжао Дунсян, чтобы отвлечься, начал говорить:

— Ты только подумай, разве такое может происходить в нормальном мире? У меня в прошлом

году поставили стент, я не выдержу таких потрясений. И Цао Цзин тоже, она так напугана, что начала видеть галлюцинации. Проходя мимо телевизора, она сказала, что почувствовала запах шампуня Е Цзявэнь...

— Подожди! Что ты сказал?

Резкий вопрос Мяо Фана заставил Чжао Дунсяна вздрогнуть.

— У меня в прошлом году...

— Не это! Что сказала Цао Цзин?

— Она сказала, что у телевизора пахнет шампунем Е Цзявэнь...

Мяо Фан сунул нож обратно в руки Чжао Дунсяна и бросился бежать, бросив на ходу:

— Сам разбирайся с этим.

Пластиковые остатки, плавающие в масле, начали подпрыгивать, и Чжао Дунсян с досадой пробормотал:

— Ну и молодёжь пошла...

И неохотно взял нож.

С какого-то момента Е Цзявэнь начала бояться чужих взглядов.

Особенно, когда незнакомые глаза останавливались на её лице, она инстинктивно хотела спрятаться. Ей было ещё более неприятно видеть себя в таком жалком состоянии, чем терпеть несправедливость.

Лучше быть равнодушной, чем униженной.

Те лица, которые раньше насмехались, теперь исказились. Их голоса становились всё громче, смех и грубые слова заполняли пространство, а их кожа начала отслаиваться, падая на пол с мягким, странным звуком.

Под кожей оказались гладкие, твёрдые лица — лица пластиковых манекенов!

Их широко раскрытые рты издавали пронзительный смех, и Е Цзявэнь бросилась бежать. Коридор казался бесконечным, сколько бы она ни бежала, она не могла найти лестницу.

Е Цзявэнь говорила себе, что нужно сохранять спокойствие. Она бежала до тех пор, пока ноги не начали болеть, и поднимать их стало невозможно. Побег был бессмыслен.

Е Цзявэнь остановилась, слёзы текли по её лицу. В её сердце было только сожаление. Она жалела не о том, что продала свою совесть ради денег, а о своей наивной мечте.

Она родилась в грязи, как могла надеяться на новую, чистую жизнь?

То, что другие девушки получали с самого начала, для неё было недостижимо. У неё не было родительской любви, только бесконечные требования, оскорбления и насилие.

«Я просто хотела быть как другие девушки, что в этом плохого?» — Е Цзявэнь стояла неподвижно, её сердце было мертво.

«Я бы хорошо училась, сама стирала и готовила... Я... никогда не носила красивой одежды, не доставляла маме хлопот, я старалась... Я хотела поступить в университет, хотела жить счастливо! Что в этом плохого?!»

Последние слова она выкрикнула так, что голос сорвался. Странно, но смех остановился, и в коридоре воцарилась полная тишина.

Теперь она совсем не чувствовала страха, ведь ничто внешнее не могло сравниться с её внутренним отчаянием.

Для неё те сорок пять тысяч юаней, хотя и были грязными, были последней надеждой. Её исключили из школы, дома её ждали оскорбления матери и домогательства отчима. Но с этими деньгами она могла бы начать всё заново.

Теперь она поняла, что даже если начнёт заново, унижительные взгляды и её собственная неуверенность будут преследовать её всю жизнь.

Е Цзявэнь вдруг засмеялась. Она развернула мокрое от пота уведомление об отчислении, на котором было написано всего одно предложение: «Ты знаешь, где дверь».

Она механически разорвала уведомление и посмотрела направо. Раздвинув неподвижных манекенов, она подошла к окну.

Е Цзявэнь вытерла слёзы тыльной стороной ладони и засмеялась сквозь слёзы. Как говорится, когда Бог закрывает дверь, он открывает окно.

Она открыла окно и встала на подоконник. За окном был голубой небосвод и осенние краски, прохладный ветерок касался её лица, и это ощущение было прекрасным и реальным.

«Если в следующей жизни я снова стану человеком, я хочу прожить счастливо до восьмидесяти лет», — мысленно произнесла Е Цзявэнь, сделав шаг вперёд...

— Е Цзявэнь!! Е Цзявэнь!! Я знаю, ты здесь!

Знакомый голос донёлся издалека, слабый, но заставивший её открыть глаза и крепко схватиться за подоконник.

— Выходи скорее!!

<http://bllate.org/book/15403/1361409>